

Эротическая доминанта в прозе русских писательниц Серебряного века

Работа с темой «Эротика в прозе русских писательниц Серебряного века» в настоящей работе будет проведена, в основном, на анализе произведений, которые произвели в свое время большое впечатление на русского читателя, приобрели, можно сказать, скандальную известность (см. Богомолов, 1996).

Эта, своего рода известность, о которой мы говорим, была главным образом связана с тем, что их авторы - женщины - затронули те сферы, заглянули в те пограничные области, которые раньше были, безусловно, прерогативой «мужской литературы» и даже в целом, можно сказать, не существовали в ареале русской словесности, которая в этом отношении достаточно аскетична, предельно сдержанна. В ней даже «мужской» вариант освещения некоторых проблем прививался с большим трудом, являясь по-своему эпатажным.

Но предельно эпатажной и скандальной стала повесть жены поэта-символиста Вяч. Иванова Л.Д.Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три уroda» (на первое издание был наложен арест), сюжетом которой стала любовь двух женщин: актрисы Веры и ее молодой ученицы, которую она обращает в свою «веру»: поклонение красоте тела и безраздельной, одухотворяющей любви друг к другу. Повесть стала эстетическим отображением религиозно-философских идей, проповедуемых содружеством посетителей ивановской Башни и, в частности, самим Ивановым, который свои теории поверял практикой (попытка создания новой Церкви через семью, включающую в себя соединенных сексуальной близостью иногда чередуемых партнеров). [О бытовых и любовно-креативных практиках «Башни» (см.: Шишкин, 1994; Богомолов, 1999)].

Образ главной героини привел Иванова в восторг, и он же попытался дать объяснение, почему морализаторская критика все свое внимание сосредоточила на «рискованной» фабуле произведения. «Здесь подлинный язык страсти, и он не может не потрясти всякого», но «так интенсивно это впечатление страсти, что глубокий замысел почти не виден за красным покрывалом цвета живой крови» (см. *ОР РГБ*). Однако это произведение не было отвлеченным рассуждением о природе страсти, хотя и звучало как протест против подавленности, угнетенности чувств, выработанных «дрессированной жизнью» цивилизованного общества. Посвященное Иванову, оно было и обращено лично к нему, являясь как бы предупреждением о возможном исходе этих, так называемых «оргиастично-дионисийских» экспериментов (О природе этого понятийного субстрата (см. *Маффеозоли, 1993*). Одновременно с этим произведение стало определённым прорывом в отношении «предельно-допустимого» в женском творчестве вообще. История страсти-поклонения, написанная в форме интимного дневника девушки, постигающей ее уроки и начинающей тактильно осознавать свое тело («Она целовала мне глаза, и губы, и грудь и гладила мое тело. Да, у меня прекрасное тело!» - (см. *Зиновьева-Аннибал, 1999:25*) поражала своей напряженной достоверностью, но и воспринималась как манифест новой женственности, которая станет «венком силы и любви над жизнью мужчин», поможет открыть «добрую красоту вещей», как писала сама писательница в одной из своих теоретических заметок (см. *Весы, 1904:60*); о возможных вариантах «рассмотрения» собственного тела (см. *Фишер, 1979*).

Между тем, в сборнике рассказов «Трагический зверинец» (1907) «покрывало», о котором писал В.Иванов, стало уже полностью прозрачным. И это позволило А.Блоку связать с именем

женщины, простертой между «заботой» и «творчеством» (см. *Энгель, 1994*). Результаты подобных «женских жизнедействий» были различны. Однако в женщинах к этому времени накопилась столь значительная энергия *творческого порыва*, требующая выхода, что препятствием в данном процессе не могла служить уже никакая субстантивированная социумная стратификация. И, думается, что вдумчивое прочтение «женской прозы» может опровергнуть знаменитое скептическое отношение Розанова к феминным инициативам в художественной области. Как известно, он считал, что «она (писательница. - *М.М.*) больше задумывается, чем надумывает, и предпочитает больше грезить, нежели видеть» (см. *Розанов, 2003:83*; а также см. *Энгельштейн, 1992*).

Мы же утверждаем: писательницы Серебряного века многое смогли *увидеть* в поистине первозданной ясности, *осмыслить* и *претворить* в своих работах. И этому способствовала в свою очередь их соматическая идентичность (в терминологии Ирины Быховской (Быховская 2000), послужившая своего рода проводником-инструментом для освоения нового (эротического) художественного пространства (см. размышления на эту тему: *Найман, 1997*; *Тернет, 1991*; *Сулейман, 1986*; *Попкин, 1993*).

ЛИТЕРАТУРА.

- БЕЛЫЙ, А. Письма к Нине Петровской // Минувшее. Вып.13. Москва-Париж, 1993. С. 197-214.
- БЛОК А. Собр. соч.: В восьми томах. Т.5. - М.-Л., 1962.
- БОГОМОЛОВ, Н.А. «Мы два грозой зажженные стволы...». Эротический дискурс в русском модернизме // Анти-Мир русской культуры: язык, фольклор, литература. - М., 1996. С. 309-336.
- БОГОМОЛОВ, Н.А. Русская литература начала двадцатого века и окультизм: Исследования и материалы. - М., 1999.
- БЫХОВСКАЯ, И.М. *Homo Somaticos*: Аксиология человеческого тела. - М., 2000.
- ВЕСЫ. 1904. № 8.
- ВЕСЫ. 1908. № 3.
- ГАРЕТТО, Е. Жизнь и смерть Нины Петровской // Минувшее. Вып.8. - Москва-Париж, 1989. С.7-139.
- Грачева, А.М. Жизнетворчество Анны Мар // Лица. Вып. 7. - СПб., 1996. С.56-77.
- ГОРОДЕЦКИЙ С. Огонь за решеткой // Золотое руно. 1908. № 3-4.
- ЖУРНАЛ ЖУРНАЛОВ. 1917. № 12.
- ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ Л. Тридцать три урода. - М., 1999.
- ИРЛИ. Ф.629. Ед.хр. 25. Л. 8.
- КОЛЛОНТАЙ, А. Новая женщина // Современный мир. 1913. № 9.
- ЛИНТЕ: Linthe, M., «Nina Petrovskaja - Autorinnenschaft zwischen Symbolismus und Emigration», in Wiener Slawistischer Almanach, vol. 42, 1998, pp.75-99.
- ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО. Т. 85. - М., 1976.
- МАР Анна. Идущие мимо. Изд. 2-е. - М., 1917.